

Эллиот, маг, вскочил на ноги.

Его лицо выглядело растрепанным, струйка крови запятнала его лицо, а магическая мантия была испачкана изрядным куском конского навоза. Не обращая внимания на свое состояние, он посмотрел Гаррету в глаза, через некоторое время глубоко вздохнул и сказал: «Гаррет, спасибо. Но... я не могу учиться».

«Не могу научиться? Почему?» Гарретт был удивлен. «Боишься, что не поймешь? Я могу упростить тебе задачу!»

Я лучше всех объясняю! Когда дело касается пациентов и их семей, объяснения их состояния здоровья, хирургических процедур, я всегда объясняю им это понятно!

Он сделал шаг вперед. Эллиот тут же отступил назад, его взгляд был неохотным, но с сожалением. «Я не могу учиться. Согласно правилам мага, любые знания и услуги имеют свою цену. И я не могу позволить себе стоимость этой техники медитации».

— Но ты мне так помог раньше...

«То, что ты мне рассказал, уже достаточно». Эллиот смягчил взгляд, пристально глядя Гаррету в глаза. Затем, словно опасаясь перемены в своих намерениях, он стиснул зубы и отвернулся. «Я наложу на тебя заклинание копирования. Понимание языков, если оно тебе нужно, тоже подойдет. Но не говори мне больше ничего — я не могу себе этого позволить».

Гарретт стоял ошеломленный.

Раньше, если бы Эллиот не заговорил, Гаррет понял бы. У мага всегда есть некоторая гордость и высокомерие в определенных вещах.

Но, уговаривая и уговаривая, он все же твердо придерживался принципа справедливого обмена, не колеблясь...

Вы могли бы хотя бы предложить план отсрочки!

Чувствуя сожаление, Гаррет хотел что-нибудь разбить. Чем больше Эллиот отказывался, тем больше Гаррет чувствовал желание поделиться — в конце концов, в этом не было ничего особенного; в его предыдущей жизни этому могли научиться даже студенты-медики. Оказавшись перед дилеммой, ему вдруг пришла в голову идея:

«Эм... цена, которая мне нужна, не та, о которой вы думаете».

"Что?"

«Когда я постиг эти знания, я однажды дал обет». Когда Гаррет начал говорить, его слова потекли более плавно. Ведь существование клятвы реально, процесс ее принесения реален. Возможно, он много раз пересматривал ее во время принятия присяги, но это была не самая ранняя оригинальная версия:

«Я поклялся учить всему, чему научился, безоговорочно детей моего учителя, своих собственных детей и всех учеников, готовых принести ту же клятву. Итак, пока вы готовы поклясться...»

Да ладно, соглашайся уже!

Я не буду учить тебя этим вещам только потому, что ты мне раньше очень помог!

Гаррет почувствовал некоторое нетерпение. И все же, после некоторого размышления, первыми словами Эллиота были: «Какая клятва?»

Э... ладно. В волшебном мире необходимо серьезно относиться к клятвам, иначе ты даже не узнаешь, как ты умер. Гаррет глубоко вздохнул и начал пересказывать исправленную, вернее, адаптированную к особенностям этого мира версию клятвы Гиппократ:

«...Клянусь в меру своих способностей и рассудительности действовать на благо больных и не причинять вреда... Я никому не дам смертельного лекарства, если меня попросят, и не буду давать советов по такому поводу. план; и точно так же я не дам женщине разрушительного средства... Я сохраню в тайне то, что вижу или слышу, в практике или даже вне практики...»

Эллиотт внимательно слушал, все больше удивляясь. К концу он, казалось, надолго задумался, прежде чем глубоко вздохнул. «Предшественник, установивший эти правила, должно быть, был мудрецом...»

Конечно, это Гиппократ. Не только он, но и Бянь Цюэ, Хуа То, Чжан Чжунцин, Сунь Сымяо, Ли Шичжэнь, даже великие врачи современного Китая, каждый из них заслуживает того, чтобы его почитали как мудреца наряду с Богом земледелия.

Следуя указаниям Гаррета, молодой маг торжественно принес клятву — пересмотренную версию клятвы Гиппократ. Впоследствии они вдвоем пробрались в небольшую комнату напротив библиотеки, где Гарретт развернул большой лист бумаги и начал рисовать схему человеческого тела.

Кости...

Мышцы...

Кровеносные сосуды... сердце...

Кровоток, аорта, легочные артерии, легочные вены, верхняя полая вена, нижняя полая вена...

Гаррет сгорбился над столом и рисовал целый час подряд. Пока он рисовал и объяснял, у него болело запястье, во рту пересохло. Он просматривал лист за листом, покрывая всю столешницу слева направо.

На этот раз он полностью исчерпал свои художественные способности врача. Раньше это были просто наброски для объяснения вещей, не требовалась правильность форм или точность пропорций. Обычно пациентам и их семьям было достаточно нарисовать несколько органов или костей. Если бы они не могли понять...

Если они не могли понять, он углублял их понимание во время лечения.

Но на этот раз это была продажа, нет, обмен знаниями и информацией, требующий контроля качества.

Ох, моя бедная спина...

Выпрямившись, Гаррет потер поясницу. Слева от него в той же позе находился Эллиот, сгорбившись над столом и щурясь на рисунки. Если бы он сейчас не встал, верхние части их тел образовали бы прямой угол.

Эй, если ты наклонишься еще немного, ты нырнешь в рисунок...

Гаррету хотелось рассмеяться. По привычке или, возможно, из-за бесчисленных раз, когда он задавал вопросы пациентам и их семьям в своей прошлой жизни, он спросил Эллиота:

— Есть ли что-нибудь, чего ты не понимаешь?

...Никакого ответа.

Эллиот лежал, поглощенный последним наброском человеческого тела, словно плененный, словно его душа была захвачена в плен.

Терпеливо прождав минуту, потом еще одну, Гаррет наконец перестал ждать и начал засучить рукава, чтобы переписать словарный запас. Скопировав примерно полстраницы, Эллиот вдруг вскочил, как испуганный кролик, и выскочил прочь.

Гаррет: «...»

Привет! Привет! Схемы тела! Не оставляйте их просто так!

Эллиот быстро вернулся. Схватив чернильницу в левой руке и большой свиток в правой, он швырнул ее на стол. Не говоря ни слова, он выхватил «Магическую лингвистику» из рук Гаррета, положил одну руку на книгу и пробормотал заклинание.

Замерцало свечение, и пустой свиток мгновенно превратился в стопку копий.

Копирование заклинания готово!

Вау, это впечатляет! Глаза Гаррета прояснились. Он улыбнулся и кивнул Эллиоту, но лишь мельком увидел его спину. Юный маг стремительно схватил эскизы со стола и снова выскочил наружу. На этот раз он был быстрее, бежал, крепко сжимая бумаги, словно боялся, что его увидят.

Ах... Надеюсь, он все помнит.

Тогда он изучал системную анатомию целых 120 часов. Несмотря на то, что он сжимал и сжимал это снова, запомнить эту стопку бумаг за один раз было довольно сложной задачей.

С улыбкой Гаррет приступил к работе. С ножницами в левой руке и клеем в правой, он разрезал копии, сделанные в результате заклинания копирования, на полоски и по порядку наклеивал их на чистые листы. Он работал не покладая рук целый день. Когда он шел

Вечером из башни магов сверху послышался внезапный громкий шум...

Гаррет рефлекторно поднял глаза. Из окна четвертого этажа, куда рано утром швырнули Эллиота, вылетел мальчик, дико жестикулируя и ругаясь:

«Эллиотт! Ты нарушаешь правила!»

Стоя у входа в башню магов, Гаррет запрокинул голову назад, его рот медленно открылся.

...Ни в коем случае, это заклинание медитации подействовало так быстро?

<http://tl.rulate.ru/book/106455/4012653>